

Благодаря тому, что Вэнь Хао часто не умел скрывать свои чувства, Сун Шаоянь понимал: его привязанность не безответна.

Стоило этой мысли промелькнуть в голове, как он, не предупредив, сделал шаг вперед и обхватил лицо Вэнь Хао ладонями.

— Я статен, богат и влиятелен, вполне естественно, что я тебе нравлюсь.

Вэнь Хао наконец опомнился, но обнаружил, что они стоят так близко, что он чувствует дыхание Сун Шаояня на своих губах. Его сердце забилося с неистовой силой. Дрожа, он слабо пробормотал:

— Отпусти... отпусти меня.

— Я ведь даже не давлю на тебя, — прошептал Сун Шаоянь, соблазняя его своим низким, бархатным голосом, мягким, словно перышко. — Если хочешь уйти, просто убери мои руки.

Вэнь Хао почувствовал, будто его тело перестало ему принадлежать. Он не мог ни пошевелиться, ни набраться сил для сопротивления. Почему? Почему так происходит? Неужели я заболел? — в смятении пронеслось у него в голове.

Лицо Сун Шаояня перед глазами казалось все больше и больше, он мог пересчитать каждую ресничку... вдруг что-то теплое, с легким привкусом табака, коснулось его губ... Разум забил тревогу, но было уже поздно.

Когда он осознал, что Сун Шаоянь целует его, то хотел закричать от испуга. Но едва его губы приоткрылись, как хитрый Сун воспользовался моментом и просунул внутрь язык, который зазмеился в его полости рта, словно ловкая, проворная змея.

Вэнь Хао никогда не думал, что поцелуй может быть таким. У него был цвет, был вкус — совсем как у разноцветного мороженого в западном ресторане «Салливан», мягкий и сладкий, способный, казалось, растопить даже сам язык.

Он погрузился в это ощущение, не успев даже символически воспротивиться, и лишился остатков воли и способности сопротивляться.

Долгий поцелуй продолжался несколько минут, пока наконец Сун Шаоянь не отстранился. Глядя на то, как Вэнь Хао пытается прийти в себя и сфокусировать взгляд, он рассмеялся:

— Твое тело гораздо честнее, чем твои слова.

— Я... — Вэнь Хао, наполовину смущенный, наполовину раздосадованный, не мог подобрать слов и лишь издал невнятный звук.

Он отвернулся, не желая больше встречаться с пронизательным взглядом Сун Шаояня, который видел его насквозь.

Вэнь Хао никогда прежде не задумывался всерьез о своих чувствах к Сун Шаояню — возможно, подсознательно убегал от них. Но теперь эта тонкая преграда была сломлена, и он больше не

мог прятать голову в песок, словно страус.

Увы, оказывается, в его сердце давным-давно образовалась трещина, из которой по капле сочилась любовь, чтобы в итоге полностью излиться на этого человека с фамилией Сун.

Он тихо вздохнул, не зная, что теперь делать.

Надо же, стоять посреди двора и позволить мужчине... Эх, времена нынче пошли, никакой морали.

— Я тебя напугал? В следующий раз я обязательно спрошу твоего согласия, — обеспокоенно заметил Сун Шаоянь, видя замешательство на лице возлюбленного.

Вэнь Хао покачал головой.

— Меня и так слишком легко разгадать, раз уж всё зашло так далеко, нет смысла что-то скрывать. Только вот... — в его глазах отразились сомнение и стыд. — Разве мы не должны в первую очередь думать о судьбах страны? Как мы можем... — Его не волновало мнение толпы, но он не мог не тревожиться о судьбе своего народа.

Сун Шаоянь перебил его:

— Если следовать твоей логике, то пока идет война, весь китайский народ должен перестать заводить семьи?

Вэнь Хао серьезно возразил:

— Но мы ведь даже не можем вступить в брак.

Сун Шаоянь хотел было продолжить, но тут вдоль стены показалась жена старшего брата Вэнь Хао.

— Что вы тут делаете? Живо в дом, пора приветствовать бога богатства! — К счастью, на улице было уже совсем темно, и она не заметила двусмысленной близости между ними.

Вэнь Хао отозвался и тут же, словно спасаясь бегством, юркнул в дом.

На следующее утро, проснувшись, он все еще чувствовал тревогу, боясь, что Сун Шаоянь снова выкинет какой-нибудь странный номер. Но тот встретил его как ни в чем не бывало, с привычной непринужденностью. Вэнь Хао стало совестно за свои подозрения: он почувствовал облегчение, но вместе с тем — досаду.

Если бы на дворе стояли мирные, сытые времена, все было бы иначе, не так ли? Он спрятал свои эмоции глубоко внутри, решив больше не думать об этом.

Зима быстро сменилась весной. После наступления марта в Чунцине начался затяжной сезон дождей.

Однажды, вернувшись с работы в дом Сун Шаояня, Вэнь Хао застал его лежащим в кресле-качалке с закрытыми глазами. Рядом с ним радиоприемник транслировал воззвание против Ван Цзинвэя.

Вэнь Хао уже столько слышал и читал подобных новостей, что от них буквально вяли уши. Не желая больше раздражаться, он подошел и решительно выключил радио.

Сун Шаоянь открыл глаза, на лице его застыла привычная насмешливая полуулыбка:

— Вэнь Хао, а ведь самое интересное только начиналось.

— Это не сказители в чайной, ничего интересного там нет.

— Хочешь поспорить, когда он перенесет столицу в Нанкин? Ха, держу пари, он ждет, пока население Нанкина станет таким же большим, как прежде.

Даже спустя три года кошмар, устроенный японскими захватчиками в древней столице шести династий, оставался незаживающей раной в сердце каждого китайца. Это чудовищное массовое убийство уже не было просто актом войны — это было преступление за пределами всякого понимания.

— Сун Шаоянь, прошу тебя, не говори со мной таким тоном, будто ты посторонний!

— Но по факту я и есть посторонний.

Вэнь Хао бессильно опустил на стул:

— Как у тебя язык поворачивается говорить такие бессердечные вещи? Разве не вода Хуанхэ и рис с Северо-Востока взрастили тебя? — Он понимал, что за этой иронией скрывается глубокая, невыносимая боль: чем сильнее любовь к родине, тем острее негодование, заставляющее говорить подобные колкие слова. Именно поэтому ему было особенно горько.

Сун Шаоянь наконец замолчал, перестав спорить. Прошло много времени, прежде чем он достал сигарету Мальборо, глубоко затянулся и выпустил в воздух идеальное колечко дыма.

В комнате сгущались сумерки, Вэнь Хао уже не видел его лица — лишь красный огонек, который то вспыхивал, то гас. В горле запершило, и он попросил у Суна сигарету, прикурив свою от его огонька.

— Я ведь уже говорил, не так ли? Китайцы сами погубят себя. Металл гниет изнутри, и только потом заводятся черви.

Вэнь Хао погрузился в уныние.

В армии он часто встречал таких людей: когда спрашиваешь их мнение, они мямлят, запинаятся, не в состоянии связать двух слов, зато любят критиковать стратегии других и даже мечтают о мирных переговорах с Японией. Настоящие А-Доу, на которых никогда нельзя положиться.

Даже если плоть и кровь могут воздвигнуть Великую стену, разве не должны четыреста миллионов соотечественников стать единым целым, чтобы сплотиться в могучую крепость?

Но ведь... есть еще столько людей, беззаветно преданных стране. Нельзя позволить кучке крыс испортить весь котел супа. Предатели, несомненно, вызывают отвращение, но ведь есть бесчисленные патриоты, оросившие своей кровью желтые пески.

Подумав об этом, он потянул Сун Шаояня за собой:

— Идем со мной.

Он привел его к причалу Лантяньмэнь, где они любовались ночным видом в прошлом году.

Из-за затянувшихся дождей небо было затянуто тяжелыми облаками, скрывавшими зеленые горы. Стая белых цапель летала под мрачным небосводом, то и дело издавая пронзительные крики, словно вторя рокоту бушующей реки.

— Посмотри. Это город Цзянчжоу с трехтысячелетней историей, административный центр Чунцина с восьмисотлетней летописью. Здесь бурлит Янцзы, здесь неспешно течет Цзялинцзян, здесь витает дух Молэ и величие Цзиньюнь. Это моя родина. Я здесь родился, здесь вырос и надеюсь умереть здесь же. — Его голос не был громким, но на фоне шума реки, бьющейся о берега, звучал поразительно решительно и величественно.

— Конечно, у нашей страны бесчисленное множество внутренних и внешних бед, глубокие, почти неизлечимые болезни. Я тоже когда-то жаловался, метался в отчаянии. Но стоит мне вспомнить блестящую историю нашего великого Китая, его прекрасные горы и реки, бесчисленных героев, рождавшихся за пять тысяч лет, — и я чувствую безмерную гордость. Я глубоко люблю эту землю, на которой стою, поэтому не хочу видеть, как она разрушается и гибнет. Именно эта любовь дает мне уверенность и силы защищать ее, и это чувство никогда не угаснет. Мы, потомки Янь-ди и Хуан-ди, обязательно станем единым целым и прогоним японских захватчиков! — Он говорил это как будто для Сун Шаояня, но на самом деле — для самого себя. Выпалив все это на одном дыхании, он почувствовал, как сердце переполняет волнение, грудь тяжело вздымалась, и он долго не мог успокоиться.

В детстве отец, обнимая его, показывал на карте очертания территории, похожей на цветок бегонии, и говорил: Это наша родина, Сяо Сань, когда вырастешь, старайся беречь ее.

Отец всегда был болезненным и считал главным горем своей жизни невозможность служить в армии, но Вэнь Хао всегда казалось, что слова этого слабого человека звучали необычайно вдохновляюще. Теперь отца давно нет в живых, а та самая бегония, казалось, увядает в огне войны. Лишь здесь, где зеленые горы охраняют слияние двух рек, вода день и ночь продолжает свой путь на восток...

После долгого молчания Сун Шаоянь тихо произнес:

— Вэнь Хао, пожалуй, ты самый разумный из всех нас.

Вэнь Хао опустил голову и усмехнулся:

— Благодарю за похвалу, господин Сун.

— Что, моя похвала ничего не стоит, господин Лу?

— Не важно, что думают и делают другие, просто представь, что Запретный город и гора Уцюань оказались в руках японцев, и ты сразу почувствуешь то же, что и я.

— Хм, тогда давай представим, что Путо на Южно-Китайском море, девять озер и пять великих гор...

— Тогда это будет еще страшнее.

Сун Шаоянь почувствовал, как мрак в его душе постепенно рассеивается. Он повернул голову и посмотрел на Вэнь Хао, который с легкой улыбкой смотрел вдаль, и вдруг ощутил невероятную удачу.

Спасибо небу, что он его встретил.

Осколки его давно разбитых мечтаний, казалось, начали понемногу срастаться.

Сердце потеплело, он осторожно взял Вэнь Хао за руку, сжав ее в своей ладони. Тепло и легкое покалывание, словно электрический разряд, пронеслись сквозь пальцы прямо к их сердцам.

— Можно ли нас назвать влюбленными в эпоху смуты? — спросил он.

Вэнь Хао позволил держать себя за руку, не пытаясь вырваться:

— Пожалуй, можно, — с улыбкой согласился он.

Да, он признавал это. Люди — самые непамятливые существа на свете. Прошло всего лишь чуть больше года, а его чувства к Сун Шаояню превратились из отвращения в любопытство, из любопытства — в симпатию, а из симпатии — в любовь, в глубокую привязанность, в нечто большее, чем просто увлечение.

Жаль только, что перед лицом войны любовь — это роскошь, которую нельзя себе позволить. И как бы поэтичны ни были чувства, в это смутное время их приходится отложить в сторону.

Скоро сгустились сумерки, и они двинулись обратно. Когда они дошли до площади Дуюцзе, то увидели, что на пустынном пространстве почти нет прохожих, лишь кое-где виднелись рикши, покурывающие табак. Мимо них прошли несколько школьников с портфелями, оживленно беседуя, они направились в сторону компании «Паркер». А из клуба «Паррамаунт» доносились звуки саксофона, исполнявшего не популярный американский джаз, а ту самую мелодию ночного Шанхая — «Лицо и персик».

В тот день год назад у этих ворот,

Лицо и персик в красках алых, в цвет.

Лицо улыбкой встретило меня,

А персик в танце вешний ветер взял.

Вдруг небо загорелось от огня,

Сон счастья вмиг разрушен навсегда.

Поток беженцев, пустые дома,

И лавки винной след простыл впотьмах.

Спрашиваю всюду о тебе,

Надеясь встретить после долгих мук.

Но где скитается лицо, лишь персик вновь

Вновь улыбнется ветру вешних дней...

Они ведь никогда прежде не знали войны.

Сун Шаоянь указал на центр площади:

— Говорят, здесь собираются возвести высокую памятную стелу, назовут ее Бастион Духа, чтобы вдохновлять народ на сопротивление. А участок от Хунцзя Юаньцзы до храма предков Цзоу назовут улицей Цзоу Жун. — Он всегда был хорошо осведомлен.

Вэнь Хао зачарованно смотрел туда, куда указывал Сун, словно Бастион Духа уже был достроен. Затем, словно вздохнув, он произнес:

— Хотелось бы, чтобы старость пришла без разлук, и все семьи воссоединились навсегда. — Это была фраза из Революционной армии.

Сун Шаоянь услышал его, поднял голову и посмотрел на небо, будто что-то искал.

— Что ты делаешь? — с любопытством спросил Вэнь Хао.

— Ищу луну. Разве та фраза, что ты произнес, не из тех, что говорят тоскующие женщины, загадывая желание на полную луну?

За эти слова он получил от Вэнь Хао тяжелый удар кулаком в грудь и вскрикнул от боли. Влюбляться в огне войны и хранить веру, ожидая лучика победы, — в этом и состояло искусство находить радость среди страданий.

Прошло несколько месяцев. Владелец маленькой чайной в Цыцикоу прислал весточку: мол, наняли нового повара из Сучжоу, мастер на все руки, приглашают их отведать новинки.

Вэнь Хао поначалу думал, что владелец так расстарался, потому что хочет о чем-то попросить Сун Шаояня. Но когда они пришли, сели за стол и доели угощение, он понял, что судил о благородном человеке по себе.

— Господин Сун, у нас не хватает продуктов, так что не обессудьте, потчует чем богаты, — Тянь Лаосань лично принес им чай.

— Брат Тянь, ты слишком любезен, — искренне отозвался Сун Шаоянь. — Посмотри, мы съели

все до последней капли, это лучшее доказательство, как все было вкусно.

Тянь Лаосань вздохнул:

— Эх, предки мастера Чжана в династиях Мин и Цин были придворными поварами, а теперь он прозябает в моем захолустном заведении. Настоящая жемчужина в грязи.

— Встретить хорошего хозяина важнее всего.

Тянь Лаосань налил чашку байцзю:

— Господин Сун, ради твоих слов — давай выпьем до дна!

Сун Шаоянь вежливо отказался:

— Я не силен в спиртном.

— Господин Сун, так не по-мужски. Твой старший брат был известен тем, что выпивал чашу и не пьянел. Хотя я и не видел господина Суна лично, говорят, он мог разом осилить целый чан вина Ньюэрхун — вот это был размах! Если не пьешь, значит, презираешь меня!

Вэнь Хао в сторонке тихо посмеивался. Сун Шаоянь явно еще не был знаком с манерой пиршеств в Сычуани, где от напора хозяев мало кто мог увернуться.

В итоге Сун Шаояню пришлось поднять чашу и одним махом осушить ее.

— Когда господин Сун столкнулся с японцами, я был еще совсем пацаном, только начинал постигать мир. Старший брат собирался взять меня в Бэйпин, заодно хотел засвидетельствовать почтение нескольким важным людям, особенно старшему брату Суну — он очень помог нам во время Движения за защиту железных дорог. Кто бы знал, что, дойдя до Фэнду, мы услышим страшную весть. Ох, это была невыносимая утрата!

После трех чашек Тянь Лаосань, полупьяный, начал сокрушаться о прошлом.

Сун Шаоянь тихо произнес:

— Моего отца убили не японцы, его убили китайцы. — Вероятно, это была та боль, которую он никогда не сможет отпустить.

Вэнь Хао все понял: кровь двух поколений семьи, неудивительно, что у него такая глубокая травма.

Но Тянь Лаосань не расслышал его слов и продолжал свое:

— Хорошо хоть, что яблоко от яблони недалеко падает. Господин Сун, вы с братом сразу видно — люди незаурядные! Когда этих сукиных сынов японцев побьют, мы вместе поедem в Шанхай поклониться твоему брату...

Вэнь Хао сидел в стороне, беспомощно молча, сердце его разрывалось от жалости. Он любил Сун Шаояня, поэтому сейчас, проецируя свою любовь на все, что его окружало, он всей душой сопереживал ему.

Вдруг вдалеке раздались смутные звуки взрывов, одновременно с этим завывала сирена воздушной тревоги.

Посетители чайной один за другим потянулись в ближайшее бомбоубежище. Поскольку это место находилось далеко от центра города и редко становилось целью японских самолетов, люди не паниковали, а отступали организованно.

Но все произошло в одно мгновение. В небе появилась черная точка, она стремительно пикировала вниз, и глазастые люди могли разглядеть кроваво-красные круги на крыльях.

Люди на земле впали в панику, ситуация начала выходить из-под контроля. Только Сун Шаоянь, следивший за траекторией полета, прошептал:

— Плохо дело, японцы, похоже, нацелились на арсенал у Цзялинцзяна!

Самолет совершил широкий разворот и снова направился на северо-восток.

В этот момент в небе показался еще один самолет с эмблемой синего неба и белого солнца. Его скорость была явно медленнее и неповоротливее японского, но он, не колеблясь, пошел навстречу врагу. К сожалению, подобраться ближе он не успел — из левого крыла повалил густой дым. У японского самолета стояли пушки с большей дальностью стрельбы.

— Так нельзя! Тактика Фрэнсиса один на один совсем не подходит для Китая. Нужна сложная групповая тактика, как минимум два на одного! — Сун Шаоянь и Вэнь Хао остановились посмотреть на воздушный бой, его голос звучал редкостно взволнованно.

Китайский самолет, не обращая внимания на повреждения, вдруг взревел мотором, словно прокричал призыв, и упрямо бросился на японский самолет. Не было сомнений, пилот решил пойти на таран.

Хотя он задел лишь одно крыло японского самолета, тот, потеряв часть плоскости, зашатался, выровнялся и, виляя, умчался на восток. А китайский самолет, испуская густые клубы дыма, стремительно пошел вниз, а затем в небе расцвел прекрасным, скорбным фейерверком.

Один из обломков упал всего в нескольких метрах от Суна и Вэнь Хао, пробив огромную дыру в крыше жилого дома.

В тот момент, когда он должен был удариться о землю, Сун Шаоянь рванулся, обнял Вэнь Хао и прикрыл его своей спиной от летящих камней и щепок.

Вэнь Хао был глубоко тронут: кто еще пойдет на такое, если не любит по-настоящему? Но вслух он сказал:

— Не надо относиться ко мне как к немоющему старику, ладно? Ты забыл, что я был военным и знаю, как защитить себя при авианалете.

Сун Шаоянь медленно выпустил его и пробормотал:

— Это была похвала или упрек?

Вэнь Хао обиженно замолчал.

Сун Шаоянь сказал:

— Ты знаешь, чтобы сделать самолеты быстрее, японцы делают фюзеляжи легче и тоньше, чем у любой другой страны. Такие самолеты крайне хрупкие. Сейчас-то они справляются, а через пару лет, боюсь, они будут разваливаться в воздухе даже без попаданий.

Вэнь Хао молча смотрел на него. В душе он чувствовал жалость: самое слабое место Китая сейчас — авиация. Многие курсанты авиационного училища в Цзяньцяо, не имея даже крупницы опыта реальных боев, решительно вступали в ряды ВВС и погибали в китайском небе. Этот человек обладал такими блестящими познаниями, но не хотел служить стране, это просто... С другой стороны, он чувствовал облегчение: поле боя — это мясорубка, он не раз видел ужасы воздушных сражений, и если бы Сун Шаоянь сражался, разве не рисковал бы он ежеминутно потерять жизнь?

Никто не возвращается с полей сражений с древности.

Он предпочел бы сам лечь в землю, лишь бы его любимый не погиб на поле боя.

Эгоизм? Но как любить родину, если не можешь любить человека?

Наконец тревогу отменили. Время близилось к вечеру. Вэнь Хао и Сун Шаоянь попрощались с Тянь Лаосанем, который настойчиво звал их остаться, и отправились в обратный путь.

Они думали, что дороги будут пустынные после бомбежки, но увидели, что чайные и лавочки работают в обычном режиме. Похоже, жители города уже привыкли к авианалетам. Трудно сказать, хорошо это или плохо.

Перед уходом Тянь Лаосань, глядя на выжженную землю к северу от Цзялинцзяна, проворчал несколько строк из сатирического стиха: «Не боюсь, что сукины дети бомбят, не боюсь, что сукины дети злобствуют, разбомбили — мы построим заново». Грубовато, но в этом чувствовался редкий оптимизм. Возможно, горожане именно благодаря таким мыслям держались столько лет.

Они сели в машину. Сун Шаоянь уже собрался завести мотор, как вдруг боковым зрением заметил за окном яркий огненный всполох. Он не удержался, высунулся наружу и уставился на далекую вершину горы.

<http://bllate.org/book/21143/2144171>